

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.4.1](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.1)
EDN [JEZBRE](https://edn.net/jezbre)
УДК 316.422+32.019.5

Д. Ф. Алиев¹

¹ Российский государственный социальный университет. Москва, Россия

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Аннотация. В статье выявляется специфика информационного воздействия на аудиторию противника в конфликтах гибридного формата. Отмечая трудности методологического и правового характера в поисках адекватного определения понятия «гибридная война», автор даёт краткий обзор основных научных подходов к изучению проблематики гибридных войн в современной академической литературе. Подчёркивается, что способы гибридного воздействия на массы являются результатом глобализации и формирования информационного общества. Особенности неконвенциональных приёмов в военно-политических конфликтах рассматриваются автором в контексте политики постправды. Анализируются объективные предпосылки для распространения различных способов манипулирования информацией в целях достижения политического превосходства над противником. Существующие методы когнитивного воздействия на сознание граждан рассматриваются как оружие, которое применяется участниками военно-политического противостояния анонимно, без объявления войны. Автор приходит к выводу о том, что успех гибридных атак зависит не столько от технологий, сколько от способности властей поддерживать социально-политическую стабильность в государстве.

Ключевые слова: гибридная война, информационное воздействие, информационно-психологическая операция, неконвенциональный конфликт, постправда, постфактическая политика, политическая дестабилизация, массовое сознание, целевые аудитории, медиаобраз

Для цитирования: Алиев Д. Ф. Гибридная война в контексте информационного противостояния // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 4. С. 8–20. DOI [10.19181/nko.2024.30.4.1](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.1). EDN [JEZBRE](https://edn.net/jezbre).

Актуальность исследуемой темы. Получивший в последние годы широкое распространение в политических науках термин: «гибридная война» с полным основанием можно отнести к концепту «мягкой силы», понимаемой как формула соблазна у Бодрийяра [1]. Успех гибридных атак обусловлен не столько превосходством в численности и технике, сколько умением оказывать информационное воздействие на сознание противника с целью вызвать внутренние конфликты и политическую дестабилизацию. Комплексная информационная «обработка» сознания целевых аудиторий способствует снижению уровня критичности воспринимаемых сообщений у граждан и создаёт условия для психологической готовности потреблять пропагандистские клише. Подобные методы ведения войны невоенными средствами оказываются не менее эффективными, чем классическая боевая операция.

Множественные военные конфликты последнего времени, сопровождающиеся гибридным информационным взаимодействием, актуализируют проблематику гибридных войн в современных научных исследованиях. Бурный рост

новейших технологий, позволяющий обеспечить доминирование в военной сфере и произвести ненасильственные государственные перевороты, стимулирует политические и научные круги заняться вопросами обеспечения национальной безопасности и предотвращения угроз государственному суверенитету. Понимание сущности и особенностей неконвенциональных методов воздействия на общество со стороны противоборствующих сторон конфликта даёт возможность выстроить систему эффективного отражения новых угроз политического, экономического и военного характера.

Целью данной статьи является анализ феномена «гибридной войны» как вполне «старой» политической технологии, но в современном понятийном дизайне. Мы полагаем, что неконвенциональные способы ведения современной войны окружены завесой домыслов и мифов, которые, в свою очередь, являются следствием информационно-пропагандистской работы конфликтующих сторон. В то же время необходимо учитывать и социально-культурный контекст анализируемого явления. Глобализация способствует не только появлению технологий, позволяющих эффективнее осуществлять информационные атаки на противника, но и оказывает влияние на сознание целевых аудиторий. Сложности проверки информации на достоверность, диффузия ценностей, этический релятивизм и другие характерные особенности социально-политических изменений, которые получили название «постправда», – вместе формируют условия для широкого распространения всех возможных форм политического доминирования, в том числе и гибридных.

Обзор литературы. Данная тема приобрела популярность среди исследователей политических феноменов в середине 90-х годов прошлого столетия. Основное внимание уделялось межгосударственным конфликтам. Западные подходы к «гибридной войне» опираются на традиции исследований, заложенных Ф. Хоффманом [2] и Джозефом Наем [3], когда новые формы военно-политического противостояния видятся как продолжение предыдущих фаз идеологических конфликтов. Особое значение в западной литературе придаётся технологиям информационно-психологического воздействия на противника. Здесь в первую очередь можно отметить классический труд Пола Лайнбарджера «Психологическая война: теория и практика обработки массового сознания», в котором автор ссылается на личный опыт работы в сфере политической пропаганды [4]. Обзор наиболее эффективных технологий гибридного характера содержится в исследовании Скотта Макдональда [5].

В отечественной науке акцент делается на изучении «цветных революций» и способах защиты от них [6; 7]. Некоторые авторы ставят под сомнение сам концепт «гибридная война», полагая, что он лишён научного содержания [8]. Появляются работы, в которых исследуется роль массовых коммуникаций в конфликтах неконвенционального характера [9]. Исследуются и правовые аспекты неконвенциональных войн [10]. Не остаётся без внимания анализ применения технологии «мягкой силы» в современном военно-политическом конфликте [11]. С началом СВО публикуются работы теоретического характера, в которых обобщается накопленный за прошедшие годы научный материал [12; 13].

Что такое «гибридная война»? От термина к исследовательской парадигме. Согласно нормам международного права осуждаются те государства, которые ведут агрессивные войны, что означает «применение вооружённой силы

государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности и политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН.

При этом следует иметь в виду юридическую неразграниченность понятий «военный конфликт» и «война». Под военным конфликтом обычно понимают «любую ситуацию, независимо от её правовой квалификации, в которой две стороны противостоят друг другу с оружием в руках» [14]. Кроме того, термин «военный конфликт» характеризует реалии XX века и впервые появляется в тексте Женевской конвенции 1949 года о защите жертв войны. В этом и последующих международных Актах устанавливаются средства и пределы разрешения конфликта¹. Однако в этих политических документах нет чёткого определения сущности войны и военного конфликта, что, в свою очередь, создаёт проблемы для применения международного гуманитарного права, поскольку участники конфликта могут интерпретировать его в собственных интересах.

Проблема осложняется также отсутствием ясности с определением субъекта современного неконвенционального конфликта. В классической войне ответственность за военные действия возложена на правительства государств, вовлечённых в противостояние. Но если участники конфликта анонимны в политико-правовом смысле, тогда не понятно, как классифицировать сам конфликт.

В настоящее время термин «гибридная война» все чаще используется как в журналистике, так и в научной литературе в связи с обострением международной обстановки и «расползанием» по миру региональных конфликтов различной интенсивности. Разброс мнений и оценок данного феномена в военной и академической средах довольно широк [15].

Считается, что термин «гибридная война» появился впервые в документах Пентагона в середине двухтысячных годов; он обозначал военные операции низкой интенсивности, осуществляемые военными и невоенными способами. При этом, как отмечают некоторые авторы, наблюдается противоречие в определении военного конфликта даже внутри силовых ведомств США. Да и не только внутри, например, конфликт Москвы и Тбилиси в 2008 г. представители американских спецслужб называют «традиционным», а в ВВС – «гибридным» [16, с. 58].

Начальник Генштаба ВС РФ В. Герасимов сделал прогноз о том, что гибридные формы войны идут на смену концепции бесконтактных войн [17]. Ряд авторов довольно скептически относятся к использованию данного термина, поскольку слишком широкое толкование приводит к размыванию понятийных границ между разными типами военных действий [2, с. 7]. В качестве альтернативы предлагаются другие определения военным действиям современного типа: иррегулярные войны и операции полного спектра [18].

В задачи этой статьи не входит обзор существующих сегодня определений гибридной войны. Отметим только, что попытки исследовать многочисленные формы неконвенциональных войн с использованием политических, экономических и пропагандистских методов воздействия на противника предпринимались давно. В этой связи можно вспомнить идеи русского военного аналитика Е. Э. Меснера, предложившего в 30-е годы XX в. концепт «мятежевойны», который соответствует критериям современных военно-политических конфликтов неконвенционального типа [19, с. 52]. Именно этот русский военный мыслитель

¹ Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны // ООН. URL https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml (дата обращения: 02.04.2024).

сумел спрогнозировать возрастание роли идеологического сопровождения военных операций в будущем.

Идеология воздействует на целевые аудитории таким образом, что в них формируются определённые социо-психологические установки, которые позволяют элитам консолидировать общественное мнение вокруг декларируемых целей войны.

Информация как оружие. Если понимать под «гибридной войной» комплекс мер, направленных на изменение общественного сознания и дестабилизацию политической ситуации в странах вероятного противника, тогда информационно-пропагандистская составляющая приобретает ещё большую важность.

Информационное общество, как считает Мануэль Кастельс, обладает сетевой структурой, когда практически невозможно определить, где у государства центр, а где периферия. Этот тип общества характеризуется бурным ростом технологий, которые делают нашу жизнь комфортней, но и порождают много негативных явлений: размывание границ морали, эрозию традиционных ценностей и широкое распространение фейков во всех сферах человеческой деятельности. Влияние СМИ на индивида стало абсолютным. Как изящно выразился американский публицист Дэниэл Бурстин: «Никакая реальность не станет действительностью, пока её не покажут по телевизору» [20].

Всеобщая информатизация создаёт условия, когда анонимные группы индивидов способны причинить серьёзный ущерб не только отдельным гражданам и организациям, но и государственным институтам. Учитывая взаимосвязанность всех элементов системы современных экономик, достаточно вывести из строя один элемент, чтобы вызвать цепную реакцию негативных последствий в глобальном масштабе. Хакерские и DDoS атаки на административные учреждения, финансовые структуры, транспортные и логистические хабы, осуществляемые криминальными группировками под прикрытием спецслужб государств, претендующих на лидерство в «большой» политике, подтверждают данный тезис.

Вне всякого сомнения, информация сегодня является эффективным оружием в политической борьбе. Государства активно используют информационно-психологические операции против своих противников во внутренней политике и на международной арене. Информационные ресурсы стали важным фактором обеспечения государственной безопасности и продвижения национальных интересов в глобальном мире.

Сам термин «информационная война», как считают многие учёные, впервые был употреблён американским физиком Томасом Роной в докладе, подготовленном для компании «Боинг» в 1976 г. В этом документе Рона делает акцент на возрастание роли информационного противодействия политике противников США в обозримом будущем. К его прогнозам серьёзно отнеслись в американском истеблишменте, и учёный в дальнейшем стал советником по науке в администрациях Р. Рейгана и Дж. Буша. Окончательно этот термин вошёл в широкое употребление в военных кругах и в политических науках после 1998 г. [21].

В современной научной литературе под информационной войной понимают «комплекс мероприятий по информационному воздействию на массовое сознание для изменения поведения людей и навязывания им целей, которые не входят в число их интересов, а также защита от подобных воздействий» [22]. Иначе говоря, любое манипулирование информацией противника с целью сформиро-

вать в общественном мнении противоборствующей стороны искажённое представление о реальной ситуации можно определить как информационную войну.

Следует отметить тот факт, что вокруг концепта «информационная война» продолжаются научные споры [23]. В данной статье понятия «информационная война», «информационное противоборство» и «информационно-психологическая операция» рассматриваются как синонимы. Мы полагаем, что информационная война может быть описана следующим образом.

Во-первых, это операции по выведению из строя технических средств связи и коммуникации. Например, недавняя операция спецслужб Израиля, когда произошли взрывы пейджеров у членов экстремистской организации «Хезболла»².

Во-вторых, традиционные методы дезинформирования противника: размещение в СМИ фейковых новостей, распространение слухов, организация «утечек» из переписки государственных чиновников и политиков. Во время военного конфликта все стороны стремятся максимально дезинформировать противника и аудитории третьих стран. Так, только за 2022 год с начала военного конфликта на Украине силами пропагандистских центров Киева было подготовлено и запущено более 3000 фейковых сообщений политического характера³. Также можно вспомнить и сообщения в интернете о смерти Байдена, «Байден умер»⁴ и рассуждения политолога В. Соловья* о двойниках Владимира Путина⁵.

В-третьих, навязывание аудитории противника политических тем, которые невротизируют потребителей такого контента и способны спровоцировать внутривосточный кризис. Распространение украинскими пропагандистами недостоверных сведений о том, как служащие ВСУ помогают мирным гражданам в сёлах Курской области, относится к такому типу манипулирования информацией⁶.

Отдельно следует упомянуть информационные кампании по дискредитации политических и государственных деятелей. В этом случае мы имеем дело с коррупцией в сфере медиа, когда вполне уважаемые СМИ занимаются трансляцией недостоверной информации. Цель подобных акций – сформировать негативное отношение в обществе к представителям власти и невротизировать потребителей политических известий. Под видом «журналистских расследований» пользователям медиа ресурсов сообщают подробности о предосудительном поведении политиков и членов их семей. Такую информацию довольно трудно проверить неискущённому человеку. При этом если «расследование» основано на домыслах и слухах, в аудиториях возникает раздражение на власть имущих.

Как свидетельствует независимый исследователь кампании по дискредитации Дональда Трампа в период его президентства Тьерри Мейсан, информаци-

² Романов Р. В Ливане взрываются пейджеры: что дальше // Ведомости. 19.09.2024. URL <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/09/19/1063104-v-livane-vzrivayutsya-peidzheri-chto-dalshe> (дата обращения: 01.10.2024).

³ Год фейков. Большое расследование дезинформации от украинских ЦИПСО // Verumreactor. 19.03.2023. URL <https://verumreactor.ru/2023/03/год-фейков-большое-расследование-дез/> (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ Cantor M. Nearly 50 news websites are 'AI-generated', a study says. Would I be able to tell? // The Guardian. 08.05.2023. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2023/may/08/ai-generated-news-websites-study> (accessed: 02.04.2024).

* Включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

⁵ Куда пропал «враг Кремля» профессор Соловей*: Опубликованы новые откровения // Царьград. 01.03.2023. URL: https://tsargrad.tv/news/kuda-propal-vrag-kremlja-professor-solovej-opublikovany-novye-otkrovenija_734107/nsk (дата обращения: 02.04.2024).

⁶ Миронов М. В МИД России заявили, что ВСУ распространяют фейки о Курской области // Газета. Ру. 28.08.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/08/28/23794849.shtml> (дата обращения: 01.10.2024).

онное давление на Трампа в 2016 году осуществляли несколько медийных ассоциаций: Media Matters (анализировала ошибки и оговорки политика во время публичных выступлений); American Bridge 21st Century (поиск компрометирующих видео на членов команды Трампа); Shareblue (распространение компрометирующей информации в интернете)⁷. Самого французского политолога можно подозревать в склонности к конспирологическим теориям. Однако приводимые им в исследованиях политического процесса в странах Запада факты подтверждают тезис о широком применении элитами гибридных форм в борьбе за власть [24, с. 120–145]. Конечной целью информационной диверсии является подрыв доверия граждан государственным лицам и институтам.

Следует подчеркнуть, что воздействие на общественное мнение с помощью медиа-ресурсов оказывается с того времени, как появились СМИ. Пропаганда используется в качестве серьёзного информационного оружия и сегодня, когда технических возможностей донесения необходимых сообщений до целевой аудитории стало гораздо больше. Про эффективность пропаганды заговорили после Первой мировой войны, в тот период страны Антанты стали применять масштабные и согласованные информационные атаки на войска противника.

Фундаментальные разработки концепции информационно-психологического воздействия на сознание противника появились после Второй мировой войны в западной научной литературе. Серьёзным и фундированным исследованием темы стала книга психолога и политолога Пола Лайнбаржера: «Психологическая война: теория и практика обработки массового сознания», в которой автор анализировал технологии информационного воздействия в исторической перспективе и с опорой на большое количество военных источников [4].

«Постфактическая политика» и СМИ. Использование информационных технологий как оружия в войнах современного типа трудно понять вне социально-исторического контекста XXI века. Политика замещения фактов искажённой информацией (post factual politics) сегодня определяется как постправда (post-truth). В данной статье мы не рассматриваем этот концепт как характеристику целой эпохи или как социокультурную парадигму. Мы анализируем постправду исключительно в контексте гибридной войны, в которой сознательное введение в заблуждение оппонента является всего лишь технологическим приёмом для достижения конкретных политических выгод. Отметим только тот факт, что данный концепт получает широкое распространение в результате глобализации с её негативными «побочными эффектами», как то: этическим релятивизмом, политической неопределённостью и социальной аномией.

Конспирологическое мышление в качестве психологической защиты индивида от давления избыточной информации, которую обычному гражданину трудно проверить на подлинность, также можно считать одним из условий популярности этого концепта. Неконвенциональные интерпретации событий или, как пишут журналисты, «ложные» формы знания служат материалом для информационных операций, цель которых – спровоцировать негативную политическую мобилизацию («оранжевые революции») или усилить отчуждение социальных групп от власти в стране противника (политический абсентеизм). Не будем забывать и о том, что конспирологическое «знание» актуализируется

⁷ Мейсан Т. Кампания Клинтон по дискредитации Дональда Трампа // Voltairenet. 28.02.2017. URL <https://www.voltairenet.org/article195463.html> (дата обращения: 02.04.2024).

в те моменты, когда общество в целом или отдельные сообщества переживают психологический стресс в результате травмирующих событий. Здесь важно подчеркнуть, что не только сами события могут вызвать стресс, но и смысловая неопределённость, способная усиливать депрессивные состояния у граждан. Например, распад СССР был, несомненно, травмирующим событием, но возникший за этим идейный вакуум вызвал затяжной психологический кризис у большинства россиян, который ощущается ещё и сегодня, спустя 33 года после краха советской общественно-политической системы. О значении утраты смыслов подробно писал социолог Дж. Александер [25].

Если не поддаваться соблазну объяснять «постфактическую» политику исключительно особенностями функционирования массмедиа в информационном (постиндустриальном) обществе, то правомерен вопрос о том, как отличать факт от вымысла, репортаж о событии от фейковой новости?

В настоящее время нет «противоядия», снижающего вред политики постправды, то есть не существует универсальных методов проверки на подлинность многих сообщений, распространяемых сторонами, вовлечёнными в острое политическое противостояние гибридного формата. Кроме того, современный пользователь социальных сетей и мессенджеров предпочитает находиться в собственных «информационных пузырях», где любая «неудобная» информация отвергается как не аутентичная. Таким образом, подвергнувшийся медиавоздействию индивид открыт для информации, которая способна изменить его политические установки и даже повлиять на его систему ценностей.

Если сконструированное особым образом сообщение может оказать влияние на психику индивида, то массированная информационная атака на крупные людские контингенты затрагивает уже символическое измерение коллективных идеологических представлений. В этом случае меняется политическое поведение части или всего общества в том направлении, которое выгодно атакующей стороне в современной гибридной войне.

Некоторые авторы для анализа подобных технологий манипулирования массовым сознанием используют концепт «консциентальное оружие». Под этим термином понимают целенаправленную работу с сознанием с деструктивными целями. При этом авторы концепта подчёркивают различия между информационной войной и смысловой: первая оперирует информацией, а вторая внедряет в коллективное сознание культурные и смысловые шаблоны, меняющие фреймы восприятия реальности [26]. Подобный подход к определению сущности и целей гибридной войны нам представляется слишком «эзотеричным», чтобы использовать его в анализе современных политических противостояний. Вместе с тем невозможно игнорировать факт деструктивных медиа воздействий на гражданский сектор в ходе конфликта с целью получения военных и политических преимуществ.

В известной мере потребитель политического контента может рассчитывать только на собственную медиаграмотность, что позволяет ему критично воспринимать транслируемую СМИ информацию.

В дальнейшем остаётся надеяться на то, что практики публичной социологии и этические нормы, которые добровольно готовы соблюдать субъекты рынка информационных услуг, станут барьером на пути бесконтрольного применения фейков заинтересованными политическими и экономическими структурами. Пока же можно уверенно прогнозировать большее распространение технологий и приёмов манипулирования информацией в ходе гибридных конфликтов разной степени интенсивности и разного масштаба.

Попытаемся разобраться в причинах роста эффективности информационных операций в условиях «постфактической» политики.

Выше уже было отмечено, что конспирологические установки в глобализирующемся социуме образуют благоприятные условия для целенаправленного манипулирования массовым сознанием. Одновременно с такой реакцией граждан на нестабильность окружающей реальности активно формируются политические мифы, которые выступают в качестве основы для конструирования коллективных идентичностей в современном мире. Материалом для политического мифотворчества служат исторические концепции, призванные обосновать аутентичность актуального политического мифа и укрепить национальную идентичность. Не удивительно, что история сегодня используется как оружие в гибридных войнах. Когда сталкиваются между собой антагонистичные исторические нарративы, тогда политический конфликт неизбежно мутирует в прямое военное столкновение. Типичными примерами подобных конфликтов, в основе которых несовместимость политических мифов, являются противостояние Армении и Азербайджана; Сербии и Хорватии; Украины и Российской Федерации. В этих конфликтах «гибридность» проявляется в манипулировании научными теориями. Академические исследования «наполняются» идеологическим содержанием, особенно тексты о политических процессах.

Идеологическая индоктринация авторов и замалчивание альтернативных концепций анализируемой темы являются признаками «постфактической» реальности, которая, в свою очередь, способствует быстрому и успешному проникновению в общественное сознание деструктивных информационных сообщений⁸.

Ещё одним фактором, влияющим на популярность политики постправды и гибридных форм политического противоборства, несомненно, является монополизация информационных ресурсов в развитых государствах. Именно концентрация медийных ресурсов вокруг влиятельных политических сил обеспечивает успех спецопераций гибридного типа, как было во время президентских выборов в США и во Франции [27, с. 38–44].

Пределы эффективности информационного давления. Воздействие на сознание противника с целью подавить его волю мы определяем как информационно-психологическую операцию. Здесь уместно процитировать известного английского психолога: «армия не разбита, пока она не прониклась сознанием поражения» [28].

Однако можно предположить, что «податливость» коллективного сознания внешнему информационному воздействию обусловлена устойчивостью и жёсткостью политических мифологем, которые используют элиты для конструирования новых политических идентичностей. Если в обществе достаточно развиты социальные институты и прочны горизонтальные связи солидарности, то гибридное воздействие на общественное сознание будет иметь ограниченный успех.

Так, санкционное давление на Россию с начала военно-политического конфликта на Украине сопровождается масштабными информационно-пропагандистскими акциями; иными словами, в наличии все признаки гибридной войны, которую ведёт против нас коллективный Запад. Однако, несмотря на беспрецедентное давление и ущерб, нанесённый российской экономике санкционной

⁸ Лакатос И. Наука и псевдонаука: Выступление в радиопрограмме Открытого университета 30 июня 1973 г. URL: <https://djvu.online/file/7nl4MAZYHGzO5> (дата обращения: 02.04.2024).

политикой, дестабилизировать политическую систему Российской Федерации и погрузить общество в затяжную депрессию противнику не удалось. Напротив, произошло «сплочение вокруг флага», что является признаком укрепления национальной идентичности россиян [29].

Кроме указания на ограниченный деструктивный потенциал операций гибридного формата, исследователи расходятся в определении их «побочных эффектов». Одни утверждают, что пропаганда стимулирует больший интерес к политическим темам в обществе; другие, напротив, считают её влияние на интерес граждан к политике незначительным [30, с. 335–336].

Тем не менее тщательно подготовленные информационно-психологические операции представляют серьёзную угрозу для современных обществ. Совершенствование технических средств медиа-воздействия на противника способствует увеличению результативности специальных пропагандистских акций. Прямая пропаганда с помощью листовок, плакатов и традиционных СМИ сегодня дополнена более сложными в применении средствами психологического воздействия на целевые аудитории. В период военного противостояния возможностей для манипулирования информацией становится больше, поскольку проверить поступающие со всех сторон сообщения практически невозможно. Борьба за информационное превосходство и контроль за политическим поведением контингентов населения государств противника ведётся в виртуальном пространстве. В частности, особенно популярными в последние годы стали информационные боты, которых применяют с целью переформатировать текущую политическую повестку. Если в начале внедрения данной технологии в политические коммуникации боты выполняли простейшие функции по автоматизации работы человека с информацией, то сейчас это уже полноценные бот-сети, способные взаимодействовать друг с другом и выполнять сложные задачи под управлением оператора.

Поскольку многие пользователи политических сегментов интернета замкнуты в своих «информационных пузырях», то с помощью ботов можно не только модерировать контент, но и подменять опасную правду другой «правдой», выгодной для определённой политической стороны конфликта. Программы, замаскированные под людей, широко применяются в самых разных сферах политики и бизнеса [31].

В настоящее время информационно-психологические операции строятся на комбинировании двух типов пропагандистских акций: «жёстких», направленных на дестабилизацию политической ситуации, и «мягких», которые влияют на политические установки людей, не подвергая деформации их ценности [32, с. 7].

Постоянное совершенствование механизмов и форм информационного воздействия на массы в период ведения гибридных войн требует от государств увеличения затрат на создание мощного информационно-пропагандистского аппарата. Вместе с тем гонка информационных технологий, используемых для нанесения ущерба противнику, негативно влияет и на качество жизни граждан противоборствующих стран. Наблюдения за гибридной войной на Украине подтверждают наш тезис: взаимное ограничение доступа пользователей к сетевым ресурсам и секьюритизация публичной политики способствуют разрушению коммуникации между нациями и людьми, осложняют экономические и культурные связи и ведут к деградации международной системы безопасности, сформированной после Второй мировой войны.

Заключение. Современные войны гибридного типа носят комплексный характер, в них сочетаются сразу несколько направлений активных действий: военных, экономических, политических, информационных, психологических. Среди этих направлений особенно широко применяются методы информационного (информационно-психологического) воздействия на целевую аудиторию вероятного противника.

Развитие новых сетевых коммуникационных технологий позволяет осуществлять враждебные акции вне политических границ и государственных юрисдикций. Как продукт глобализации гибридные войны часто ведутся из «политической тени», поскольку официальные представители конфликтующих сторон не признают ответственность за совершаемые враждебные действия в отношении друг друга.

Этический релятивизм и политика «постправды» образуют благоприятную среду для манипулирования информацией и проведения деструктивных спецопераций среди граждан атакуемых государств. Безусловно определённая зависимость человека от новых технологий способствует широкому распространению гибридных методов реализации политических интересов в мире.

Однако мы не разделяем алармизм тех авторов, которые абсолютизируют неконвенциональные способы добиваться политических выгод [33]. Сколь бы деструктивными не были цели противника, добиться тотального превосходства в современных конфликтах исключительно гибридными методами пока не получается. Мы полагаем, что успешность информационно-психологического воздействия на аудитории страны противника зависит от социально-политической обстановки в атакуемом государстве и от способности правительств адекватно реагировать на внутривнутриполитические проблемы в зоне своей ответственности.

Библиографический список

1. Soft Power: теория, ресурсы, дискурс / П. И. Агашкова, Е. Г. Грибовод, Д. Д. Гуляр [и др.]. Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2015. 376 с. EDN **TTOMAP**.
2. *Hoffman F.* Conflict in the 21st century: the rise of hybrid warfare. Arlington : Potomac Institute for Policy Studies, 2007. 72 p. Available at: http://www.projectwhitehorse.com/pdfs/HybridWar_0108.pdf (accessed 10.06.2018).
3. *Най Д. С.* Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век / пер. с англ. В. Н. Верченко. М. : АСТ, 2013. 444 с. ISBN 978-5-17-081896-9.
4. *Лайнбарджер П.* Психологическая война / пер. с англ. М. : Воениздат, 1962. 318 стр.
5. *Macdonald S.* Propaganda and information warfare in the twenty-first century. London : Routledge, 2007. 204 p. ISBN 978-0415545006.
6. *Манойло А. В.* Гибридные войны и цветные революции в мировой политике // Право и политика. 2015. № 7. С. 918-929. DOI [10.7256/1811-9018.2015.7.15832](https://doi.org/10.7256/1811-9018.2015.7.15832). EDN **UB1HZN**.
7. *Матвеева А. М.* Гибридные войны и цветные революции в геополитике постмодерна // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 4. С. 96–111. EDN **LYRHQE**.
8. *Першин Ю. Ю.* Гибридная война: много шума из ничего // Вопросы безопасности. 2019. № 4. С. 78–109. DOI [10.25136/2409-7543.2019.4.30374](https://doi.org/10.25136/2409-7543.2019.4.30374). EDN **SJZWVZ**.
9. *Сосновская А. М.* Идеология и массовые коммуникации: гибридная война на Украине // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2016. Т. 7, №3. С. 134–142. EDN **YNBBEB**.
10. *Лановой В. Г.* Суверенитет и механизм правового регулирования как основные характеристики государственного управления // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : Матер. X Всерос. науч.-практич. конф. (Краснодар, 23.04.2021). Краснодар : КрУ МВД России, 2021. С. 136–140. EDN **KEWQFI**.
11. *Ивашов Л. Г.* Операции «мягкой силы» в гибридной войне // Геополитика и безопасность. 2017. № 3(39). С. 14–24. EDN **ZRWCDP**.
12. *Алиев Д. Ф., Тафинцев Д. В., Хазин А. Л. [и др.]* Гибридная война: в 2-х томах. Т. 1. М. : РГСУ, 2023. 315 с. ISBN 978-5-7139-1443-1.

13. *Панарин И. Н.* Основы теории «Гибридной войны» // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 4. С. 58–71. EDN [YRVNOT](#).
14. *Кувырченко Т. В.* К понятию вооружённых конфликтов: проблемы определения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 4. С. 240–246. EDN [SZHZFJ](#).
15. *Иващенко М. А.* К вопросу о понятии и признаках гибридной войны // Российский следователь. 2021. № 12. С. 39–41. DOI [10.18572/1812-3783-2021-12-39-41](#). EDN [AANCJA](#).
16. *Коньшев В., Парфенов Р.* Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 12. С. 56–66. DOI [10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66](#). EDN [NQTLHW](#).
17. *Герасимов В.* Организация обороны Российской Федерации в условиях применения противником «традиционных» и «гибридных» методов ведения войны // Вестник Академии военных наук. 2016. № 2(55). С. 19–23. EDN [ZMVTPR](#).
18. *Коньшев В., Сергунин А.* Дискуссии о войнах будущего в российском экспертно-аналитическом сообществе: мифы и реальность // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 4(19). С. 100–114. EDN [RAMNMP](#).
19. *Домнин И.* От Первой мировой до «Третьей всемирной»: Жизненный путь Генерального штаба полковника Е. Э. Меснера // Хочешь мира, победи мятежевойну. Москва : Русский путь, 2005. С. 19–72. ISBN 5-85887-134-8.
20. *Бурстин Д.* Американцы: колониальный опыт / пер. с англ. М. : Прогресс, 1993. 480 с. ISBN 5-01-002601-5.
21. *Барабаш В., Котеленец Е., Лаурентьева М.* Информационная война: к генезису термина // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 3(33). С. 76–89. EDN [BXTACB](#).
22. *Вирен Г.* Современные медиа: Приёмы информационных войн. М. : Аспект Пресс, 2013. 126 с. ISBN 978-5-7567-0701-4.
23. *Кихтан В. В., Качмазова З. Н.* Информационная война: понятие, содержание и основные формы проявления // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2018. Т. 2, № 2. С. 228–235. EDN [USGUUQ](#).
24. *Мейсан Т.* Преступления глубинного государства. От 11 сентября до Дональда Трампа / пер. с англ. М.: АСТ, 2017. 336 с. ISBN 978-5-17-104734-4.
25. *Александр Д.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40. EDN [PELCHZ](#).
26. *Бейлин М. В.* Консциентальные войны в эпоху информационных технологий // Наука. Искусство. Культура. 2018. № 3(19). С. 169–177. EDN [VMQVEU](#).
27. «Политика постправды» и популизм / В. А. Ачкасов, Н. А. Баранов, Д. А. Будко [и др.]. СПб : Скифия-принт, 2018. 216 с. ISBN 978-5-98620-336-2. EDN [YTTLGX](#).
28. *Коупленд Н.* Психология и солдат / Пер. с англ. М. : Воениздат, 1991. 96 с. ISBN 5-203-01275-X.
29. Как живёшь, Россия?: Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2024. 89 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024](#). EDN [INPEEV](#).
30. *Брайант Д., Томпсон С.* Основы воздействия СМИ / пер. с англ. М. : Вильямс, 2004. 432 с. ISBN 5-8459-0597-4. EDN [QODEPH](#).
31. *Василькова В., Легостаева Н.* Социальные боты в политической коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 1. С. 121–133. DOI [10.22363/2313-2272-2019-19-1-121-133](#). EDN [VUHAGU](#).
32. *Касюк А. Я.* Информационно-психологические операции: история и современность // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2018. № 1(794). С. 26–39. EDN [XQWEYH](#).
33. *Низовцева Н. Ф., Гришанин Н. В.* Гибридная война как геополитический тренд // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2016. Т. 7, № 3(25). С. 76–85. EDN [YNBBCD](#).

Поступила: 06.04.2024. Доработана: 02.10.2024. Принята: 21.10.2024.

Сведения об авторе:

Алиев Джомарт Фазылович, кандидат экономических наук, первый проректор, Российский государственный социальный университет. Москва, Россия.

kharchenkoDD@rgsu.net

Author ID РИНЦ: [1168750](#); ORCID: [0009-0009-0127-9414](#)

D. F. Aliev¹

¹ Russian State Social University, Moscow, Russia

HYBRID WARFARE IN THE CONTEXT OF INFORMATION CONFRONTATION

Abstract. The article reveals the place and role of information influence on the enemy's audiences in conflicts of hybrid format. A brief review of the main scientific approaches to the study of hybrid wars in modern academic literature is given. Methodological and legal difficulties in the search for an adequate definition of the concept of 'hybrid warfare' are noted. It is emphasised that the ways of hybrid influence on the masses are the result of globalisation and the formation of information society. The peculiarities of unconventional techniques in military-political conflicts are considered by the author in the context of the policy of 'post-truth'. The objective prerequisites for the spread of various ways of manipulating information in order to achieve political superiority over the enemy are analysed. The existing methods of cognitive influence on the consciousness of citizens are considered as weapons that are used by participants of military-political confrontation anonymously, without a declaration of war. The authors conclude that the success of hybrid attacks depends not so much on technology as on the ability of the authorities to maintain socio-political stability in the state.

Keywords: hybrid war, information influence, information-psychological operation, unconventional conflict, post-truth, post-factual politics, political destabilisation, mass consciousness, target audiences, media image

For citation: Aliev D. F. Hybrid warfare in the context of information confrontation. *Science. Culture. Society.* 2024;30(4):8–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.1>

References

1. Agashkova P. I., Gribovod E. G., Gular D. D. [et al.]. Soft power: theory, resources, discourse. Ekaterinburg: Discourse-Pi; 2015. (In Russ.).
2. Hoffman F. Conflict in the 21st century: the rise of hybrid warfare. Arlington, Virginia: Potomac Institute for Policy Studies; 2007. Available at: http://www.projectwhitehorse.com/pdfs/HybridWar_0108.pdf (accessed 10.06.2018).
3. Nye J. S. The future of power: how the strategy of smart power changes the 21st century. Moscow: AST; 2013. (In Russ.). ISBN 978-5-17-081896-9.
4. Linebarger P. Psychological warfare. Moscow: Voenizdat; 1962. (In Russ.).
5. Macdonald S. Propaganda and information warfare in the twenty-first century. London: Routledge; 2007. ISBN 978-0415545006.
6. Manoylo A. V. Hybrid wars and color revolutions in global politics. *Law and Politics.* 2015;(7):918–929. (In Russ.). DOI [10.7256/1811-9018.2015.7.15832](https://doi.org/10.7256/1811-9018.2015.7.15832).
7. Matveeva A. M. Hybrid wars and the color revolutions in geopolitics of postmodernism. *Locus: People, Society, Culture, Meanings.* 2019;(4):96–111. (In Russ.).
8. Pershin Y. Y. Hybrid warfare: lots of noise out of nothing. *Security Issues.* 2019;(4):78–109. (In Russ.). DOI [10.25136/2409-7543.2019.4.30374](https://doi.org/10.25136/2409-7543.2019.4.30374).
9. Sosnovskaya A. M. Ideology and mass communication: the hybrid war in Ukraine. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta RANKhiGS.* 2016;7(3):134–142. (In Russ.).
10. Lanovoi V. G. Sovereignty and the mechanism of legal regulation as the main characteristics of public administration. In: Law and State: problems of methodology, theory and history: Mater. X All-Russian scientific-practical conf. Krasnodar: KrU MVD Rossii; 2021. P. 136–140.
11. Ivashov L. G. Operation “soft power” in a hybrid war. *Geopolitika i bezopasnost'.* 2017;(3):14–24. (In Russ.).
12. Aliev D. F., Tafintsev D. V., Khazin A. L. [et al.]. Hybrid war: in 2 vol. Vol 1. Moscow: RGSU; 2023. (In Russ.). ISBN 978-5-7139-1443-1.
13. Panarin I. N. The basics of the hybrid war theory. *The security problems institute of CIS.* 2019;(4):58–71. (In Russ.).
14. Kuvyrchenkova T. V. To the concept of armed conflict: problems of definition. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo.* 2014;(4):240–246. (In Russ.).

15. Ivaschenko M. A. On the concept and attributes of a hybrid war. *Russian Investigator*. 2021;(12):39–41. (In Russ.). DOI [10.18572/1812-3783-2021-12-39-41](https://doi.org/10.18572/1812-3783-2021-12-39-41).
16. Konyshov V., Parfenov R. Hybrid wars – between myth and reality. *World Economy and International Relations*. 2019;63(12):56–66. (In Russ.). DOI [10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66).
17. Gerasimov V. The Russian Federation defense organization in the conditions of the enemy application the traditional and “hybrid” methods of the war fighting. *Vestnik Akademii voennykh nauk*. 2016;(2):19–23. (In Russ.).
18. Konyshov V. N., Sergunin A. A. Discussions on future wars in the Russian expert-analyst community: myths and reality. *National Strategy Issues*. 2013;(4):100–114. (In Russ.).
19. Domnin I. From the First World War to the ‘Third World War’: Life Path of the General Staff Colonel E. E. Mesner. In: *You Want Peace, Win the Rebellion*. Moscow: Russkij Put'; 2005. P. 19–72. (In Russ.). ISBN 5-85887-134-8.
20. Boorstin D. *The Americans: the colonial experience*. Moscow: Progress; 1993. (In Russ.). ISBN 5-01-002601-5.
21. Barabash V., Kotelenets E., Lavrentieva M. Information warfare: studying the genesis of the terminology. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 2019;(3):76–89. (In Russ.).
22. Viren G. *Modern media: information warfare techniques*. Moscow: Aspect Press; 2013. (In Russ.). ISBN 978-5-7567-0701-4.
23. Kikhtan V. V., Kachmazova Z. N. Information war: concept, contents and main forms of manifestation. *Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev*. 2018;2(2):228–235. (In Russ.).
24. Meyssan T. *Crimes of the Deep State: from September 11 to Donald Trump*. Moscow: AST; 2017. (In Russ.). ISBN 978-5-17-104734-4.
25. Alexander J. Cultural trauma and collective identity. *Sociological journal*. 2012;(3):5–40. (In Russ.).
26. Beilin M. V. Consciential wars in the era of information technologies. *Science. Art. Culture*. 2018;(3):169–177. (In Russ.).
27. Achkasov V. A., Baranov N. A., Budko D. A. [et al.]. Post-truth politics’ and populism. St. Petersburg: Scythia-print; 2018. (In Russ.). ISBN 978-5-98620-336-2.
28. Copeland N. *Psychology and the soldier*. Moscow: Voenizdat; 1991. (In Russ.). ISBN 5-203-01275-X.
29. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.]. How are you, Russia? Express information. 54th stage of the sociological monitoring, April 2024. Moscow: FCTAS RAS, 2024. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-429-1.2024).
30. Bryant J., Thompson S. *Fundamentals of Media Effects*. Moscow: Villiams; 2004. (In Russ.). ISBN 5-8459-0597-4.
31. Vasilkova V., Legostaeva N. Social bots in political communication. *RUDN Journal of Sociology*. 2019;19(1):121–133. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2019-19-1-121-133](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-121-133).
32. Kasyuk A. Y. Information warfare: history and contemporaneity. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences*. 2018;(1):26–39. (In Russ.).
33. Nizovtseva N. F., Grishanin N. V. Hybrid war as a geopolitical trend. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta RANKhiGS*. 2016;7(3):76–85. (In Russ.).

Received: 06.04.2024. Corrected: 02.10.2024. Accepted: 21.10.2024.

Information about the author:

Dzhomart F. Aliyev, Candidate of Economics, First Vice-Rector, Russian State Social University. Moscow, Russia. kharchenkoDD@rgsu.net
ORCID: [0009-0009-0127-9414](https://orcid.org/0009-0009-0127-9414)